
У ОЛЬХИ ТРИ ТЕНИ
Pustoy

Pustoy

У ольхи три тени

«Автор»
2026

Pustoy

У ольхи три тени / Pustoy — «Автор», 2026

Утром переправщица Нея перевозит через Вьюнку козу, часовщицу и бочонок солёной сельди. На обратном пути ольха у причала отбрасывает три тени. Одна ложится вслед солнцу, другая стелется сквозь дома Лукового луга, а третья дрожит на воде, будто ещё не решила, куда ей лечь.Раз в восемнадцать осеней в устье приходит Белоспинка — огромная рыба из тысяч серебряных рыбок. Она пойдёт вверх привычным руслом. Только на месте русла теперь живут люди, и в каждом дворе по-своему рассказывают, почему в прошлый её приход утонул гончар Филат. До высокой безлунной воды Нее предстоит найти другой проход и узнать, кто перекрыл его восемнадцать лет назад.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Селёдка на весах 6
Глава 2. Дочь гончара 11
Глава 3. Ложка со сколом 15
Глава 4. Женщина под полом 19
Глава 5. Земля цвета горшка 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Pustoy
У ольхи три тени

Pustoy
У ольхи три тени

Глава 1. Селёдка на весах

В тот год ольха впервые отбросила три тени около семи утра, а в семь без четверти Нея ещё торговалась из-за селёдки.

— За тебя, Дуня, за козу и за бочонок, — сказала она. — Втрое и считай.

— За козу платить не буду. Она часовщица.

— Ты часовщица.

— А я заболела и еду при ней. Душечка, чем ты хуже меня? Наври по-человечески, что тебе нынче до зарезу нужна именно эта рыба, и мы расстанемся довольные.

Дуня приподняла крышку бочонка. Рыбий жир застыл от ночного холода, сельди лежали туго, круг за кругом, брюшками наверх. Запах поднялся такой, что стало пусто во рту. Нея поняла, что со вчерашнего полудня съела только печёную репку на сеновале, да и то поделилась с отцом.

— Мне нынче до зарезу нужна именно эта рыба, — честно сказала она.

— Видишь, как славно выходит. И зачем было столько говорить?

Коза полезла в лодку без приглашения. У козы были короткая рыжая борода и узкие, мальчишески сбитые копыта. Все в Бережках знали, что на другом берегу Дуня покупает для своей мастерской поташ и железную проволоку, а коза по четвергам ходит с нею за компанию. Звали её Гусыня. Она сразу сунула нос под Неину лавку и нашла рукавицу, которую Нея искала два дня.

Нея привязала бочонок, оттолкнулась, привычно отсчитала пять взмахов весла до белой полосы в воде и крепко упёрлась пятками. Большой перевоз шёл ниже по реке. Там на плоскую широкую посудину закатывали телеги и в хорошую погоду брали ещё и заводных лошадей. Неино судёнышко специально стесали на оба конца. Носом оно было там, куда она гребла, и пустым проходило над каждым камнем, который вода прикрывала хотя бы на ладонь. На свете хватало людей, которым не требовалась телега. Кроме того, на большом перевозе надо было ждать, пока наберётся три цены за проход. В этом веке, говаривала Дуня, с ней уже довольно случалось вещей, которых надо ждать.

У другого берега было ещё темно. Высокое небо в просвете между двумя рядами домов имело цвет солёной трески. По склону над нижней пристанью, белея в сумерках, шли один за другим двенадцать коробов; в них коптили рыбу для осеннего торга. Возле ольхи, у самого паромного спуска, отец Неи умывался, придерживая подбородком расстёгнутый ворот рубахи. Шапку надвинул до бровей. Плеснул себе в лицо воду обеими руками, задел мокрым кулаком край — шапка полетела прямиком в реку.

— Хотела бы я поглядеть, — сказала Дуня, — кто там на этот раз напротив твоего отца стоит.

— С чего ты взяла, что стоит?

— Ни один мужчина не станет в такой холод мыть уши, если не думает, что на него смотрят.

Нея дала Дуне своё весло. Второе у неё лежало под боком. Через волнистые рыжеватые заросли, оставшиеся на берегу от лета, выбралась высокая худенькая женщина, укутанная по самые щиколотки в накидку с меховой оторочкой. Шла она удивительно прямо, словно несла на макушке кувшин. Вскинула руку отцу. Тот не видел, возился с промокшими обшлагами. Женщина дошла до выступа, положила у его правой ноги длинный крючок с деревянной рукояткой и разом обрушилась вниз четырьмя отдельными корзинами. Нея ахнула. Из-под корзин выбралась красная от натуги Прасковья, самая маленькая женщина на обоих берегах, и принялась крыть отца за то, что не подошёл вовремя: договаривались же, что встретит её у мостков.

— Ну, — сказала Дуня после недолгого молчания. — А всё-таки женщина.

У второй пары свай Нея заметила под днищем рыбу.

Она была тонкая и длинная, пожалуй, меньше рукавицы, и такая светлая, что виднелась сквозь дощатую лавку. Под лавкой на дне лодки лежала последняя репа; когда рыба к ней подплыла, деревянная перегородка исчезла и репа будто повисла над речным дном. Девушка моргнула. Узенький малёк продолжал плыть следом за лодкой и не шевелил хвостом. Один глаз у него был серебряный. Другой отсвечивал желтоватым, как старинное зеркальце. Когда Нея развернула лодку, малёк остался на месте, и стало видно, что он держится против быстрого течения без малейшего усилия. На лбу над глазами торчало сухое ольховое семечко.

Она хотела показать его Дуне, но Гусыня в это время обнаружила, что на полосатом кармане хозяйки пришиты два зелёных яблока, которые надо немедленно съесть, и в лодке стало оживлённо.

У сходней Нея сперва подала Дуне крючок, затем отвязала бочонок. Коза вышла сама. Часовщица не стала считать рыбу за каждую, как делала на большой переправе. Запустила руку в бочонок у обруча и вытащила за хвост одну толстую селёдку почти с линейку длиной. На хвосте у неё был зарубцевавшийся треугольный вырез.

— Года три в море прожила по меньшей мере, — сказала Нея. — Этой рыбе кто-то уже на хвост наступал.

— Ты сама посмотри, сколько у меня на руках всяких отметин. А я всего один раз замужем была.

Дуня взвалила бочонок на плечо, уперев тяжесть в ремень поперёк груди. Спереди получилась маленькая худенькая женщина средних лет, сзади — круглая печать величиной с колесо. Коза ушла с ней, придерживая зубами угол её передника, будто по такому поводу разрешалось ненадолго быть собакой.

На обратном пути Нея подобрала отцовскую шапку. С зари начиналась отливная вода, всё у берега сносило вниз, а шапку принесло прямо под её весло с низовой стороны. Внутри лежал дохлый на вид жучок. Нея подхватила шапку, посадила жучка на шов своей куртки. Он зашевелился и полез вверх. Сукно под пальцами было тёплое и совершенно сухое. Она вывернула шапку наизнанку. Сухо. Даже в свёрнутом красном донышке ни капли.

Отец, которого Прасковья уже отпустила с миром, сидел на корточках у ольхи и промазывал рыбьим жиром потрескавшиеся сапоги. Будь её воля, Нея бы сделала ему новые. Он выканючил у неё обещание, что не станет тратить на него деньги, пока не выкупит долю на нижнем перевозе. Обещание сомнительное. Перевоз пока что принадлежал лесной ватаге; сколько будет стоить новая доля, никто не знал. Как только по правому берегу запоёт лёд, хозяева объявят цену, начнут собирать деньги на весенний спуск и до весны не предъявят больше никаких требований.

Нея отдала шапку.

— Нечего тебе её доставать было, — сказал отец, надвигая на голову. — Я там собирался ноги мыть.

Она не ответила. Если не торопить его с расспросами, он сам скажет, что его встревожило. Он поднялся, подошёл к ольхе на полшага, иногда точно такое расстояние нужно было ему, чтобы рассмотреть вещь единственным зрячим глазом. Сунул ладонь под ветку, потом выше, к развилке. Прищурился: на коже ветка двоилась.

— А как ты её нашла?

— Да сама подбежала. Плыла против воды.

— Сухая?

— Сухая. А что?

Он опустил руки.

— Значит, дожил, — сказал он без особой радости.

У этой ольхи Нея прожила двадцать четыре года. Отец уверял, что на день больше: однажды перепутал числа, и они отпраздновали её именины два раза. Она знала, сколько у дерева больших ветвей, с какой стороны первым лопается весной бугор зелени, зачем из того гнезда над переправой каждую осень падают пуговицы. Вороны на самом деле таскали крепкие синие ягоды, плохо отличая их от синих пуговок, и только дома видели ошибку. Знала и где лежит тень. Утром она ложилась вниз по склону острым оторванным от берега кончиком, и ежели переправляться в это время, можно попасть веслом в тёмный круглый след прошлогоднего гнезда. Вот он и теперь был виден в воде, а рядом ещё один, чуть шире, обеими рогульками упёршийся в берег.

Нея повела глазами от гнезда вниз. Трудно заставить себя увидеть то, чего никогда не было. Сперва ей почудилось, что тёмную полосу оставили вытащенные на сушу стволы. Потом она перестала присматриваться. И увидела.

Солнечная тень привычно лежала на воде. Другая, холодно-синяя, шла наперекор солнцу вверх между колодезным навесом и старой печью и упиралась прямо в окна Лукового луга. На одном прохудившемся ставне дрожала длинная развилка. Ветер катил её поперёк мерзлого стекла, а ветка над головой стояла смирно. В третьей тени поначалу не было ничего, кроме ствола и нескольких рваных прутиков. Она лежала плоско, по поверхности реки, и медленно открывалась на воде, точно веер. Сухой сучок в ней вдруг отвалился от ствола и поплыл мимо.

— Не трогай, — сказал отец.

Она собиралась только положить ему ладонь на плечо и сказать: «А мы всё гадали, что за цвет такой на картинке у бабки-рукавишницы». Тихон сгорбился и как-то сразу стал старше. Шапка у него на голове торчала смешным красным чулком; одновременно хорошо было и страшно, что он всё тот же.

— Ничего я не трогаю. Это щепка, — сказала она.

Тихон опустился на корточки и положил ладонь на землю за границей тени. Свет ещё слепил на другом берегу окна рыбной сушилки, собаку Чурку выкинули из пекарни за дурные привычки, кто-то решительно и часто ударял молотком по ободу старой бочки. Неторопливые звуки, по которым Бережки привыкли просыпаться. Нея побежала в дом, принесла походную доску и небольшую восьмидольную гирьку. Положила доску поперёк мостков над тёмным веером и поставила гирьку у его края. Веер двинулся вверх по воде. Гирька осталась справа, на свету. Вернулась с длинным веслом и попыталась подхватить третью тень снизу. Та растеклась по дереву весла мокрым чернильным следом, который исчез, едва Нея подняла его над водой. Не испачкало даже старую трещинку.

— У меня, когда я была маленькая, на спине был нарыв с пятак, — сказала Нея. — Помнишь? Мне говорили, что ольха отбрасывает три тени на того, кто нечистое слово произнёс. Мать специально заставила меня произнести все нечистые слова, какие знала. И нарыв потом прошёл.

— Когда у тебя был нарыв, ты ещё не знала никаких нечистых слов, — сказал Тихон. — Она сама тебя научила. Старшая кухарка тогда двое суток не желала со мной разговаривать. Думала, это я от щедрот.

Изогнутая веточка на воде потемнела и стала похожа на палочку древней игрушечной прялки. Нея заметила, что весь чёрный след на вздрогнувшей коже воды растёт к северу, туда, откуда пришли её первые пассажирки. По дороге след мог заглянуть в окна к Прасковье, перебраться через камень с чьей-то криво высеченной ладонью, забраться в мастерскую бондарки Осипы и ввалиться в ночную рубаху её мужу. Но он не хотел пока выбирать места, где можно остановиться.

— Пора поговорить с людьми, — сказал Тихон. — Пусть бы хоть воды набрали в горшки впрок. Ближние колодцы за ночь солёными станут. Я когда-то в тот день два котелка каши так

испортил, что Агаша меня с ними вместе выгнала. Ищи, говорит, шесть дурней с длинными ложками, а потом домой приходи.

Мать умерла в последнюю студёную неделю февраля, когда у большой переправы собаки переходили реку по снегу. Иногда Нее казалось, что зима с тех пор так и не кончилась. Лето прошло, она заметила это скорее по тому, как пропала мошкара под подолом, чем по солнцу. В такие минуты ей хотелось вспомнить даже то, как они с матерью сердились друг на дружку. Вспомнилась кухня. Мать, растянув на коленях новую рубаху, никак не могла продёрнуть рукав. Нея торопилась и рванула, раздался треск. Чинили обе, и Агаша сердилась по-птичьи, то и дело отворачивая голову к окну, из которого будто могла узнать, сумеет ли сдержаться.

— А сколько нам теперь с этим жить? — спросила она.

— С чем?

— С тенями.

— Я один раз живу, — сказал отец. — И всего второй раз вижу. У старого Котельника спроси. Погоди. Ми́ленькие наши! Да куда вы все полезли!

Коза Гусыня спускалась по разбухшему скату к ольхе. За ней шёл Ярка, сын Осипы. Мальчику было три года, он носил синюю шапку с надставленной кромкой. Кромка сползла ему на брови, и, чтобы видеть дорогу, он смешно задирал подбородок. От злого ветра у него в глазах выступили слёзы; сам он был счастлив. В руке нёс половину толстой чёрной лепешки. По следам Гусыни бодрым шагом двигались три куропатки, а дальше от той же компании ожидалось всё что угодно.

Тихон отвёл Ярку и Гусыню вверх к перилам. Нея сняла с доски гирьку и сунула за пояс. Вода быстро отступала, обнажая грубые красные ольховые корни. Под одним, самым толстым, из глубины постучали.

Нея обернулась. Ярка плотно встал у самой воды и смотрел на неё. Тихон пытался уговорить козу перейти сходни в одну сторону, куропатки не хотели возвращаться никакой. В корне ещё раз стукнуло, коротко и досадливо. Нея легла животом на доски, спустила руку. Вода так обожгла запястье, что на миг стало жарко. В пальцы ей ткнулась живая рыбка; Нее почудилось даже, что она чувствует острым плавником свой пульс. Под корнем в иле нашлось что-то круглое, в два пальца шириной, и не слишком легко вышло наружу, будто с маленьким сердитым вздохом.

Отец увидел, что блеснуло у неё в руке, и в два шага очутился рядом. Он перехватил Неину руку так, что у неё звякнули зубы. На ладони у него осталась грязь и скрученная старая пряжка. Под слоем коричневой земли медь едва просвечивала. Только чешуя у рыбы, выбитой посередине, проступала на свету по-настоящему, и ещё стояла на самом верхнем краешке вмятинка, где кто-то, наверное, пробовал медь зубами на вкус.

— Отдай, — сказала Нея. — Я нашла.

— Отдам. Не сейчас.

— Дядя, у тебя рыба? — спросил Ярка.

— Есть, — сказал Тихон, пряча пряжку в карман. — И знаешь, какая? Вон у Неиной лодки за поперечной лавкой посмотри. Сильная, с хвостом.

Ярка доверчиво посмотрел мимо его ноги. Нея приподняла доску, показала ребёнку селёдку, и часы на нижнем причале пробили семь. После она ещё долго вспоминала эту рыбу в тёмной лодке, один сухой сучок с третьей тени и руку отца на железной пуговице. Он никак не мог протолкнуть пуговицу в тугую петлю.

— Чья была? — спросила она тихо.

— Филатова.

— Дедова, — поправила снизу Осипа. Подруга стояла на скате и держала козу за ошейник. — Говори при мальчике «его дедова», а то у меня отец уже который год словно общий

на оба берега. Нашлась, что ли, пряжка? Я опознаю. Я ему уши отъедала за эту рыбу, а разок вместе с ушами и рыбу попробовала.

Тихон расстегнул карман. Далеко в устье старая вода ещё бежала к морю, а новая уже пошла ей навстречу.

Глава 2. Дочь гончара

Пряжка останавливала работу. Осипа ещё не успела стянуть с запястья петлю, на которой вела Гусыню, а на мостках уже стояли трое: девочка с утятницей на голове, ходившая так от холода, подмастерье рыбника с красной солью до локтей и Прасковья, притаившаяся на этот раз за собственными корзинами. Всем троим приспичило увидеть и услышать, как узнают старую вещь. По ту сторону реки тоже нашлось несколько желающих. Нея заметила, что один человек приставил над глазами ладонь да так и поскользнулся, хотя ходу до следующего камня ему оставалось всего на полступни.

— А ну давай руки мыть, — сказала Осипа сыну. — Только гляди, куда бежишь: ступени скользкие.

Ярка побежал в дом, заранее вытирая руки о рубаху. Осипа переставила козью петлю на руку Дуне, вернувшейся из лавки с проволокой за пазухой. Дождавшись, когда коза уйдёт, обошла между корзинами Прасковью и сказала девочке с утятницей:

— Твой брат с утра побоялся взять молоток. Так что накрой ему голову этой штукой, он тебе тоже будет очень благодарен.

Девочка пощупала утятницу на голове.

— А вы сейчас плакать будете?

— Не-а. Я на пятницу назначила. Тебе малы новые башмаки?

Они немедленно занялись башмаками. Подмастерье, у которого теперь одного осталось охоты глазеть на пряжку, пожал плечами и отправился наверх. Прасковья рассмеялась. Когда зеваки разошлись, Осипа отворила дверь и втянула к себе друзей.

Горшки у неё висели под потолком на толстой порванной тяге большого парома. Варочную печку сложил Семён, Осипин муж, и кирпичей им не хватило, так что один бок был из мелкого чёрного кирпича, а другой — из крупного, розового; раз в неделю кто-нибудь проходил рядом и говорил: «Смотри-ка, ваша печка, кажется, подгорела». У стены на высокой лежанке спал Яркин двоюродный брат. Ночью у его матери родилась дочка. Для этого в их длинном доме требовалось место на печи, место на лавке и ещё одно место, где счастливый отец мог развести руки и выговорить всем, что не может теперь своими руками сделать ничего. Мальчика сюда привели уже сонного и вручили Осипе вместе с курткой, горшком и сшитой из синих чулок куклой.

Осипа положила пряжку на стол. Из-под белёсой засохшей грязи у рыбки проступила одна выпуклая половинка, другая посередине была продавлена. Простая работа, которую мог бы одолеть любой человек, знакомый с молотком. Рыбка получилась с длинным неуместным носом, с округлым выпученным животом и лихим свежим взглядом, как будто её только что нарисовали. Нее почему-то захотелось узнать, за что её сначала полюбили, а потом так больно укусили.

— А где у ёршей уши? — спросила Осипа тихо.

Тихон ответил сразу:

— Завалились за стол. Унесли под пол.

— Ну, это он. Знаете мирового живописца? Он стоит перед вами в полной своей красоте.

Она размяла в пальцах затвердевший кусок льняной пакли, смочила из кувшина и неторопливо стала оттирать вещь. Под пряжкой показались две обломанные ножки, одна из них была вставлена в другую, а не рядом. Между ними застряла синяя шерстинка от тесьмы.

— У отца было два передника, — сказала Осипа. — Деловой, для чистой работы, под кожу, и войлочный, в котором он крутил горшки. У самого безрукого гончара на войлоке нарос бы за год порядочный глиняный передник. Отец получше был, а всё равно такой, что коли двое мальчишек на спор попробуют согнуть, никто не выиграет. Я в ту осень хотела начать рисунок

с хвоста, а у меня получился нос. У ёрша нос заячий, никто не знал почему, и мы придумали, что уши упали за стол. У отца чего ни спроси, всё там. Тётка Уля, скучающая по женихам, тоже там. Третья среда на неделе — там. А когда он утонул, я решила, что эта штука совсем не наша. Наша-то, может, под стол завалилась.

Нея молчала. Ей крепко помнилось, что она видела тот передник, хотя в последний раз могла видеть в шесть лет. Не их ли с Осипой матери вязали полосатые занавески из хорошей пряжи для молодых? Раз, идя от них домой, она увидела гончара у печи; он спиной стоял к голубому огню, и у него светились насквозь уши. Она спросила, зачем у него в голове два окошка. Он ответил, что надо же мысли проветривать иногда. Вот тут нельзя было понять, помнит ли она это сама или мать столько раз рассказывала, что два красных уха стояли у неё перед глазами как живые.

— Ты её возьмёшь? — спросила Нея.

— Ты думаешь, позову совет старейшин с обоих берегов? Я на неё потратила чуть не все каникулы. Конечно, возьму. Возврату рыба не подлежит. И по зубам теперь давать будет только в случае крайней нужды.

Осипа привязала пряжку к ручке висящего на стене бубна. Бубен сам собой ответил ей одним скромным звуком. Мальчик на верхней лежанке спал. Ярка ходил кругами вокруг стола, не оставляя надежды добраться до горшка с холодной кашей. Тихон посмотрел на бубен, на ребёнка, который совсем не горевал о своём незнакомом деде, и с некоторой обидой потянулся к шапке.

— Пока ворочаются тени, ничего из-под корней больше не берите, — сказал он. — Мало ли почему что-то туда спустили. У меня сегодня шапка вернулась посуху, будто была там одна минута.

— А тебя разве в прошлый раз не возили на середину? — спросила Осипа.

Он кивнул. Хотела ли она ещё что-то сказать, так и осталось неизвестным. С лестницы в мастерскую просунулась серая, совсем небольшая лошадиная голова и, открыв рот, выпустила прямо на пол две морковки, мокрые от слюны.

— Дерьмо, — сообщил Ярка.

Оказалось, что мастерскую загородили у двери толстым ясеневым кряжем. Семён решил накануне, что дальше этого кряжа долговязая лошадь не пролезет, прихватил боковую дверь бечевой и лёг спать. Лошадь перетёрла бечеву лбом. Дальше ей оставалось отыскать новых друзей. Нея с Осипой сняли с крючьев холщовую перемётку, попросили Тихона зайти сзади и благополучно вывели её сначала во двор, затем к соседям, которые как раз искали свои морковки и Ярку. Дома на Луковом лугу стояли почти сплошным кругом, из одного в другой ходили по доскам. Глину для стен брали под ногами. Поутру ощущалось, как под бочками в мастерской, под известью и под плотно сбитым крылечком шевелится вода.

Осипа взялась за работу. Нея осталась помочь: можно было поговорить без зрителей. Осипа делала для рыбака бочонок с откидной ручкой. Он собирался ходить с этим бочонком на соседний мыс и продавать оттуда свежую мелкую рыбу, пока у поселковых ворот заезжие покупатели сохраняют веру, будто там её больше, чем внутри устья. По просьбе рыбака ручка выглядела, как маленькая ладонь, обхватившая большую. Было неловко и приятно брать мокрый тёмный дуб так, словно он сейчас тебе ответит.

— Хороший получится, — сказала Нея. — Для человека лет сорока, имеющего задумчивое лицо и больную жену.

— У него лицо чрезвычайно подвижное. И жены нет. Ручка ему нужна, потому что он той рукой носит бочонок с рассолом, а другой на ходу пьёт за здоровье покупателя. В прошлом году так и саданул бутылкой себе в лоб: хорошо, в руке бочонок удержал. Приподними край.

От долгой работы всякая вещь в ладонях Осипы сразу казалась на своём месте. С первого же движения было ясно, где её положить и какой рукой за ней вернуться. У неё осталась в

ушах пара глиняных колечек, которые сделал ей Филат. Они за восемнадцать лет потемнели, стали цвета шерсти на медвежьем загривке. Чтобы не мешали работать, она продевала тесьму поверх ушей.

— У луга есть прошлые жильцы, — негромко сказала Нея.

— Тут всегда был луг.

— Я про тень. Она положила половину веток прямо на ваши окна.

Осипа прибрала стружку.

— Я с утра видела, что на окне творится. Думала, соседям принесло к забору сосну, надо выйти помочь. А когда поняла, прикрыла ставни, пока мальчишки спали. Между прочим, это мои окна. Мой стол мне самой нравится, Семён его со свёкром так прилаживал, чтоб и между коек встал, и бубен на перекладине не задевал, и ты могла сесть, не поджав свои длинные ноги. Хочешь спросить, не уеду ли я сейчас отсюда на другую гору? Не уеду.

— Пока хочу узнать, правда ли, что на ольхе было три тени, когда утонул твой отец.

— Я тогда как раз пыталась с ним прийти в сапожню, чтобы он посмотрел на мои новые торжественные сапоги. Больше было нечего надеть, когда вдруг потекло по колени. Теней не помню. Ты ещё кого спроси. Тётку Дарью спроси. Она тебе три дня может про моего отца рассказывать. А один раз я с ней сходила на его могилу на Мучной гриве. Села и поняла, что поминаем двух совсем разных людей. Её интересовало, за что его любила моя мать. А меня — чего он боялся, когда был ещё маленький. Вот что меня интересовало, всерьёз.

Она простучала бочонок по дну. У каждой дощечки вышла своя отличная от других нота. Осипа размяла руки и устроила над отверстием льняной пучок вместо затычки. Нея запомнила то, что услышала. За плечом подруги висела деревянная ложка в крупной голубой крапинке — Яркина. Рядом — маленькое полотно, вышитое с двух сторон по очереди хозяевами, с огромной глупой рыбой. Каждый кусочек брюха ей вышили другим цветом. Рыба уже пережила в доме несколько больших праздников.

Снаружи послышался шум. Тихон выбивал шапкой пыль из сложенного на жердочке своего старого полушубка. По склону шёл Грудень, хозяин двух собственных коптилен и ещё девяти или десяти вместе с ватагой. Он вёл под руки двух стариков, ступал так медленно, что казалось, его самого ведут. Щёки у обоих были одного с Груднем розового, чуть ожогового оттенка; трое могли бы сойти за портрет одного человека в разные годы, если бы человек по дороге к старости успевал менять нос. У Грудня он был красивый, шёл прямой точной чертой ото лба, у стариков обоих ввинчивался к левому уху.

— Тихон, — сказал он негромко через ограду. — Правду говорят, твоя девка видела третью?

— Её же и спроси. Я ей не указчик, куда глядеть.

Грудень остановился. Один старик придержался за ограду, другой опустился на стоявший у забора куриный короб. Серые куры вскарабкались ему на колени. Он засмеялся и положил им на спины худенькую руку с единственным, чрезвычайно длинным волоском на запястье.

— У тебя отец, — сказал Грудень Нее, — мог бы сказать «здесь», а скажет целую половину писания. Ты сама видела?

— Буду говорить «да», пока не убежусь, что снилось. А зачем?

— Набрали воды в чистую флягу, а как подсохло горлышко — на пальце соль. Под седьмым сараем в колодце вода с утра сменилась. Рыбу положишь — всплывает, хлеб положишь — корка через один счёт белая. Ты, коли сама видела, знаешь, куда тень идёт?

— Одной положено проходить к Луковому лугу. Другая пока в воде, не поймёшь, куда смотрит.

— «Положено», — сказал он. Кивнул, запоминая что-то для себя. — А у нас лет девять сюда малька меньше идёт, я всем говорил. Коли пришла старая матка, раз дёрнет рыбий хвост и в одно утро наверстаются все девять лет. Тут просто умение нужно заранее приготовить боль-

шой невод на повороте. Ты пойдёшь работать? В прошлую навигацию на берег не нанималась, помню.

Прежде на промысле о Нее заботились, как о больной. Налови, мол, рыбки в заводи, там недалеко. Сами шли на большую воду, а её оставляли на виду у берега. Грудень впервые подбирал ей настоящую работу среди взрослых. На большом неводе людей за один выход нужно восемь, если столько поместятся, и ещё двое гребут. Гребцам платили деньгами — нижний корабельный двор держал для них свою небольшую пригоршню монет.

— Гребу с Никифором? — спросила она.

— С Никифором за одним веслом трудно усесться. Он теперь делит корму с животом. Дам тебе свою лодку, сама и будешь править, бери одну помощницу, какая по душе. У тебя за день получится девятая часть доли на большом перевозе. За три выхода наскребёшь треть. Хочешь жить на рыбном берегу и уйти с переправы на своё? Подставляй руки.

Он опередил её на шаг, спустился с крыльца, подхватил обоих стариков под руки.

— Ольху погляди, — бросил он Тихону. — Пойдёт корень между опор, взломает нам весь нижний настил. Если разойдутся сваи, деваться некуда, придётся рубить. А у меня сейчас нет человека, которого можно послать рубить. Ты пригляди, если что.

— А дела какие у тебя завтра на рассвете, Нея? — громко спросила Осипа, придерживая надетые на одно плечо две лёгкие пустые кадки. Грудень обернулся. — Мне любопытно, когда он у тебя согласится спросить.

— Гребу в ватаге. Не потому, что меня позвали на кары небесные, а за девятую часть доли. Между нами должно так до утра остаться. Я за ольхой не нанималась.

— А кто просил? — отозвался Грудень. — Если бы я всех кумушек нанимал слушать, о чём толкуем да что было, на рыбу бы ничего не осталось. Договорились, Нея. В нижней заводи, когда станет слышно воду через песчаную голову.

Он повёл своих стариков, оба оказались бывшими рыбаками, хорошо помнившими соль у нижнего сарая восемнадцать лет назад; Грудень хотел показать им, что стало с колодцем, и спросить, куда она дальше пойдёт. Старики были бодры, но всю прошлую осень не видели никого, кто позволил бы им идти вместе своим маленьким шагом, и теперь очень хотели смотреть, как соль проступает на корке.

Нея с Осипой принесли к испорченному колодцу два ведра с хорошей водой и забрали Ярку. На обратном пути Нея обошла ольху. Жёлтые травинки на берегу лежали поперёк друг дружки. Птицы возле пекарни нахохлились, прятали клювы в густое зимнее перо. Поставив ногу между тремя разными тенями, она ожидала хоть чего-то небольшого, что ей захочется любить либо бояться. Ощутила под пяткой обыкновенную липкую грязь.

Она спустилась на мостки, подняла поперечную лавку и нащупала оставленную там селёдку. Ну, по крайней мере, одно хорошее дело в этот долгий, только начавшийся день удастся закончить сразу. Нея пошла домой, поставила разогреваться оставшуюся от вечера похлёбку, и Тихон за столом со слезами съел весь хвост, а в солонку больше за весь обед не полез ни разу.

Глава 3. Ложка со сколом

К обеду на переправу прибыло столько желающих видеть тени, что Нея разложила у мостков старый обод и велела в него бросать камешки. Принёс по камешку за человека — проходи. Не принёс — иди за камешком, выбери такой, чтобы было приятно в руке держать. Пусть от каждого, кто с утра потерял голову, хоть камешек на берегу останется. За отлив нашлась жёлтая сердоликовая пуговица, уродливое каменное яйцо, внутри которого звенел песок, три настоящие серебряные рыбьи чешуйки, уголь с крепкой раковинкой в самом сердце. Некоторое время Нея забавлялась, глядя, чем люди платят за обещанную им диковинку. Потом спустилась на нижнюю перекладину и принялась за собственную лодку.

От вчерашнего хода в Пустую губу под кормой белело что-то длинное. Посередине мягкая тина, по краям твёрдое. Ходили вместе с Прасковьей, она возила приёмной матери новый полушубок. Пожалей она лодку, обогни ночью отмель глубоким местом — было бы чисто. А днём на мелководье сидят рыжие усатые рачки, каменные домики у них не больше ногтя, слепятся эти домики один к одному, и будет твоя лодка похожа на брачную кровать сына богача. Нея соскребла один такой нарост у кормы и подцепила застрявшую рядом деревяшку. Всплыла большая деревянная ложка. На одной стороне ручки ножом нарезали маленькие треугольники, на другой кто-то вместе с половиной черпака откусил угол.

— Верная вещица, — сказали совсем рядом. — Себе доставай чинить.

Нея подняла голову. На мостках стояли Дуня и всё та же дурная коза, а дальше шестеро деревенских помогали Прасковье выкатить из лодки пустую бочку. Сама она до верхнего обода едва доставала. Ни часовщица, ни мужчины не хотели ничего чинить. Голос снова донёсся снизу. Судя по тону, его хозяин битый час простоял по грудь в холодной воде:

— Черпни там в корме. С середины не бери, там горько.

Она черпнула ложкой у кормы. Зацепила тину, увядший топкий стебелёк, на котором висела бессмысленно огромная капля. Потом край ложки упёрся во что-то ещё, круглое, тяжёлое для водной вещи, и оно весело выехало наверх.

Ей на колени свалился камень. Серый, весь в белых полосках и щербинках. Затем ещё два. И вдруг в лодке стало на одного живого человека больше, если только это был человек. Существо величиной с деревенскую кошку уселось перед Неей. Две ноги гнулись куда угодно. На месте носа сидела спящая водяная улитка. Того, кто складывал из камней этого человечка, Нея не взяла бы в помощники даже снежную бабу лепить. Справа положил лишнюю лопатку и лишнюю руку, слева на руку камней не хватило и вышло гладкое плечо с двумя усиками травы. Тёмное отверстие вместо рта могло гораздо удобнее находиться под улиткой. На деле оно зияло в животе. Стукни по спинке — оттуда бы выпала горсть прошлогодних орехов.

— А зубы у тебя там или наверху? — спросила Нея.

— А зубы я ношу с собой, — возразило существо. — Видишь? Тут. На боку. И ничего смешного, ничего нет.

— Так ты за своё весло волновался?

— Нет, бревно у меня, видишь ли, из лодки твоей выпало. Рубленый дом на перекрёстке морей. Теперь мне домой ходить по сердцевине брёвен, а тебе ничего не надо. Что за обычай такой: сперва взяла, потом спрашивает, чья вещь. А если моё? Кому я, стыдно сказать, должен теперь за обратный перевоз на родной перекат?

Нея протянула ему ложку. Собеседник забрал её верхней рукой, второй перевёл заржавевшую улитку на середину лица и опустился на каменный зад.

— Никуда на этой чужеземной посуде не поеду. Правит плохо. Борт низкий.

— Тут защищённая протока. За прошлый месяц ни у кого даже ноги не намокли.

— Вот это всего хуже, — сердито сказало существо. — Никому не намокли ноги! Зачем же вам река? Уберите её совсем, на сухом переправа совсем и не нужна. Вы хотите теперь, чтобы я всю работу у себя намочил?

Нея подхватила его обеими руками. У неё в руках осталось несколько камней, они приятно тяжелили ладонь. Существо вспрыгнуло на перекладину, не думая грустить об ушедшей от него спине. Без спины и впрямь получилось что-то вроде волчонка.

— Меня Неей зовут, — сказала она.

— Будто не знаю. Твоя мамка два раза сердилась, как я сам по себе хотел из её сельди сделать гребцов. Говорила: «Есть у меня одна безголовая, две не нужно». Потом я старую сельдь ему же и отдал, кто упустил. А привезти меня на реку вы всё равно не можете, вот и не убирали бы воду из воды.

— Ты Скатень, — поняла Нея.

Слово это она тоже знала с первых дней жизни. Иногда на перекатах вода дробится быстрее, чем уносится собственной силой. Идёшь по мели с ведром, на полглубины отражается в воде настоящая твоя рубаха, на второй половине отражена другая, тоже твоя, только ты её собираешься надеть в следующую пятницу. Или бросишь в такую воду камешек, а в ответ в тебя плюнут сгоревшей щепкой с дальнего берега. И как только ребёнок собирается склониться пониже и поподробнее узреть эту обыкновенную для всякого водопада штуку, ему говорят, что там нынче нарядился Скатень и ни за что не потерпит, чтобы считали, сколько у него рук и ног. Маленькая Нея тогда долго косилась на заезжих гармонистов. Из-под цветных тесёмок у них так и мелькали пальцы. Уж не по лишней ли руке там спрятано? А сосчитать нельзя — вдруг обидятся, как Скатень.

Скатень развернул острую щёку. Нея подумала, что у этого существа даже слова «спасибо» наверняка нужно произносить одним определённым боком ко свету, чтобы, упаси река, не задолжать ответного подарка.

— В нижнюю кромку, — сказала она. — Я тебя перевезу. За спасибо.

— Нельзя за спасибо. Уже два раза у людей так барабан со дна поднимал. Очень разные их спасибы, один потом приходи ночью и подари ему ещё тёплые носки, у другого потом вся песня про то, как он меня скатал и выучил ловить мышей. Я без спасибо. Берёшь рыжий камушек, тот, что похож на яйцо старого гусака. Слышно же, как там песок звенит? Когда понадобятся прежние звуки для очень старой вещи — можешь попросить меня послушать. Мне и самому за дорогой любопытно.

У границы тихих свай лежал молодой пал, кончик у него вздулся, скоро эти сваи переставят перед ледоставом. Нея усадила Скатня поудобнее. Он перестроил себе верный маленький рыбачий стульчик из нижней половины собственного заднего бока и кашлянул улиткой. Вода разошлась белыми кругами. До ольхи на берегу было шагов пятнадцать. Люди на некоторое время перестали смотреть на невиданное. Они вообще редко умели бояться больше четверти часа подряд, необходимо было хоть сколько-нибудь поесть и сообщить другим, что сами думают о происшедшем. Прасковья тем временем вздумала обменивать одну историю про ольху на пять яблок сушёной падалицы. Ребята поменьше разошлись вслед за ней.

Тень, идущая поперёк неба, перестала быть синей. Теперь она напоминала летний пар, который сквозит над прудом, оставляя молодым лягушкам только уши и скользкие зелёные коленки. Солнечная тень неторопливо подвигалась по земле. Там, где обе пересекались, к любому существу приставал неожиданный тихий свет. Мальчишка, стоявший над местом, где под водой дрожало тёмное отражение гнезда, по очереди выставлял на свет и прятал большие пальцы на ногах — не иначе как разделся ради опыта и хотел убедиться в том, что он живой на самом деле. Внезапно отражение съехало с сучка, коснулось коленей и поплыло к дальнему берегу.

Мальчик побежал следом. Идти по теням, которые падают на воду, не умел никто в Бережках, кроме разве цапель. На третьем шаге мальчик ухнул бы в воду с головой, не прилетела бы ему в лоб Неина тёплая рукавица. Он от неожиданности схватил рукавицу, попытался отшвырнуть и тут сверху на него свалилась серая близорукая кучка гальки.

Нея успела подогнать лодку к нему под руки. Возмущённый мальчик полетел на дно башмаками вверх. Один ударил Скатня, хотя камни уже потекли обратно к перекату. Скатень бряк-нулся о воду спиной и, прежде чем разбиться окончательно, выкинул себе наверх одну руку с ложкой. Улитка поползла по берегу без него.

— Оно бы меня держало, — сказал мальчик. У него под рубахой расплылась ледяная влага. Держась за нос, он часто дышал с привкусом водорослей и ольховой коры. — Зачем он меня пакостью этой своей?

— Ты спроси, — сказала Нея.

— А почему ты меня пакостью?

Скатень собрался уже на грунте против солнца. Теперь он больше походил на низкорослого барашка, которого местами пощипали злые птицы. Подняв нос, он внимательно поглядел на полосу, по которой мальчик собрался бежать через реку.

— Одному, кто без очереди на первый ложился. Второму, кто шёл, когда она последний раз проходила. Третьему, кто пройдёт, ежели сумеет. Где тут сказано: «Для того, кто подсмотрел, а потом туда же»? Нигде.

— А как мы к вам попадём, если нельзя ходить по воде? — спросил успевший отдышаться мальчик.

— Для тех, кто не умеет ходить, господь дал хвост и плавники. Неужто самому непонятно? Ты не рыба.

Он сплюнул улиткой, которая настигла его и снова уснула на каменной щеке.

Отец мальчика прибежал с сушилки. У него в руках осталось по прозрачной полоске рыбьего мяса, и он, видно, даже не понимал ещё, почему вместо ног упрямого ребёнка ему приходится отшлёпать пустой воздух. По привычке подцепил сына под руки, поднял на свет и убедился, что дышать ему ничего не мешает. Нея сразу узнала его: сын Грудня от первого брака, живший у родителей жены. Мальчика звали Агейка. По матери он приходился внуком шорнику Савве, по отцу — Грудню. За хозяйством у дедов успевал приглядеть, а за самим Агейкой весь посёлок доглядывал — и вот пропустили. Мать его работала на горе и страшно рассердится к вечеру, когда все радостно донесут, где был замечен её сын.

— Не думаю, что стал бы тонуть надолго, — сказал мальчик сквозь отцовские пуговицы. — Осенью у нас под водой ничего интересного.

Его унесли наверх. Нея вернулась в лодку за ложкой, потихоньку соскользнувшей к ней после потери хозяином формы. Ложка лежала на дне лодки под лавкой. Нея подцепила её носком сапога. Хватит на сегодня нырять по плечи во всякую щель. Наклонилась и швырнула ложку Скатню. Он поймал её обеими руками и, последовательно поворачиваясь разными боками к свету, загнал к самому берегу упавшее с ольхи отражение.

— Вот и беда вам от того пошла, — сказал он, немного не так укладывая в ряд привычные слова, — кому вся река в одни ворота лезть перестала. Ольха-то не ходит. Чего в неё звенелками своими упираетесь? Три тени носит она, не вы. Одна — на всё, что пьёт нынче. Вторая — на след от последней воды, которая могла выбирать, куда девать её рыб. Третья — про то же, а только совсем ничего не знает ещё. Не зажмуривайся пока и меня самого к ольхе не привязывай.

— И куда идти по той, что не знает?

— Говорю тебе, не знает. Выучит человек две унылые песенки от старика, который видел прежнюю воду, и уже вчерашний дождь про будущие сапоги спрашивает! Я что, гирька твоя на железном блюдце? Сижу себе и только знаю, сколько всему весить? Тьфу. Твой батька хоть и

прост, а одну стерлядку у него два раза не выменяешь. А вы целую речку туда-обратно водить собрались!

Нея присела в лодке.

— Видно меня было? — спросила она после минуты. — Через камни, когда я маленькая была. Из прежней воды.

Но теперь у Скатня сразу пропала правая рука, и отвечать ему оказалось нечем. Камни осели. За последней частью волшебственного существа, которую некоторое время можно было принять за его правое ухо, лежала одна ломаная ложка. Найдёт, нечего беспокоиться. Поняв это, Нея поработала веслом вниз к большому перевозу.

Дарья Кошма ждала у пристани. На одном её плече висела толстая стопка новых шерстяных рукавиц, недавно поднятых тёплыми после валяния. К воротнику на другом плече была приколота одна бракованная рукавица — с двумя большими пальцами. Дарья его берегла для человека, который решится сказать, что в любом деле всегда всё предопределено. Ты ему показываешь рукавицу на два пальца и интересуешься, что ему с этим определением дальше делать, и всего делов, и не надо скандалить до вечера.

— Ты меня прокатишь, пока всякие диковинки эту воду находят подходящей, и я тебя на зиму рукавичками не обижу, — сообщила Дарья.

— Рукавицы даёшь, или разговор? А то у меня сегодня был интересный такой перевоз, чуть не пришлось платить, чтобы увезти его хоть куда-нибудь.

— На одной руке, девка, и два больших пальца не всегда уживаются, — сказала Дарья. — Не бойся, я обе пары продам папскому посланнику. Если он, конечно, когда-нибудь до нас доедет. Надо отметиться на Луковом лугу. Хвенька не ходит с весны. Окно у неё, по моим сведениям, прямо под самыми сучьями. Ты сюда сильно вглядываешься, а ведь и она ольху снизу увидела. Расспросим. Возьми только свой жёлтый, что звенит. Может, у неё этот камушек и зазвенит по-старому.

И Нея спустила лёгкую лодку на глубокую воду, дождавшись, пока у ольховых корней приподнимется и помашет ей на прощание уголок сухой ложки.

Глава 4. Женщина под полом

— Ох, не смотри так на пол, — сказала Хвенька. — Деревом крыто. Никаких у меня под ногами ни мук, ни отмщения, только мука ржаная, если душа твоя потребует.

Дарья сняла башмаки, прошла в глубину дома и подняла за колечко половицу. Кольцо лежало в широкой щели, наружу из него торчал клочок овечьей шерсти. Чтобы железо о доски не брякало. Открылись ступени, не крутые, как в отцовском погребе, а ровно такие, чтобы можно было спускаться со свечой и кувшином, ничего не наклоняя. Саму хозяйку видно было плохо. Она жила в подпольной горнице возле печи. Дарья спустилась без раздумья. Нея осталась наверху с жёлтым камнем в руке и слышала, как там, во тьме, женщины приветствуют друг дружку.

— Жаль, что у тебя нет пирога с солониной.

— А у меня как раз есть. Уже мышей вокруг себя распугивает. Полежит до масленицы — им можно будет коня подковать.

— Ох, какую странную мне Бог послал старость. Из радостей остались одни чужие желания. Нея, спустись по левой стороне, правая от самой двери отлезла. Оставь ты её, Дашка, она же у тебя опять с крючка упадёт, а я теперь сплю с руками наверху, эта твоя гадость снова мне в нос провалится.

Нея не сдержала улыбки. В полутьме она наконец разглядела широкое Хвенькино лицо, тёмные глаза. Под каждым сбегала к щеке глубокая морщина. На подушке под головой тянулась аккуратно сплетённая коса, до того белая, что Нее припомнилась шёлковая злодейка из южной сказки. Она выманивала у девушек платья, суля в обмен такую вот косу. С крючка Дарья стащила ухват и укрыла под плетёным столиком. Правую стену подпирали три одинаковых сосновых столба; между ними были вымазаны толстые слои глины, и в одном слое изогнутой тёмной линией шло старинное ребро лодки. Такие лодки в Бережках называли горбушками. Доски для них распаривали и гнули, пока сохраняли гибкость. А как горбушка отслужит своё, в доме всегда пригодятся крепкие гнутые рёбра. Иной дом чуть не целиком на старых лодках стоял.

— Я принесла тебе тень, — сказала Дарья.

— Не навязывай девчонке свои забавы. У неё какое хорошее простое лицо, пускай лучше однажды замуж выходит. Сто семь глупостей за одну поменяет. Есть у тебя какой милый?

— Есть у меня одна дорога к морю, — сказала Нея. — Не знаю, можно ли с ней венчаться, если она одна на всех, и стоит ли.

— Дарья, девчонка определённо с твоим нравом. Отверни мне краешек занавески, я хоть нынче увижу, за кого ты вчера вечером меня потихоньку выдала.

Перед окошком нижней горницы была прокопана ямка. Днём туда заглядывало солнце. По стене у Хвеньки ходил желтоватый отблеск, словно на дне той ямки стояла вода. Дарья села у подоконника, приказала Нее держать стеклянную баночку с домашним жиром и принялась массировать старухины неподвижные колени, выпуклые под горячими тряпками. От жира пахло тмином и можжевеловой щепой. Говорили потихоньку, отчего каждый звук с улицы стучал в темени с удвоенной силой.

— Сколько раз по твою душу ольха такими узорами идёт? — спросила Дарья, когда стало ясно, что дело придётся называть своим именем.

— Третий раз выходит. Два помню сама, первый с бабушкиных слов. Мне год исполнился, рассердилась я на всех, ушла к реке, меня чуть не слизало. Отец в ту пору ещё свои родные зубы имел. Ты добрая Рогожа, когда к пяткам переходишь, то у тряпки края подбери, у меня там щекотно стало с прошлого раза, ты помнишь?

— Напомнила, — сказала Дарья, подбирая края.

Хвенька облокотилась на подушку. Дарья велела ей смотреть на стену. Вблизи Нея разглядела, что в одном месте, у основания подпирающего дом скруглённого ребра, глиняная стена мокрая. Из глины словно кто-то тихо дышал наружу. Грудь у дома надувалась и опадала, поднимая соломенные волоски. Вода поднялась узкой полосой до окна и в ней, по глине, прошла самая настоящая серебряная рыбка. За ней ещё одна и третья. Рыбки ничуть не считались с нарисованными на стене лапками сорок, смело проскакивали у них под брюхом и возвращались в сырость, откуда пришли.

Нея поднесла к стенке ладонь. Стена была рыхлая, с царапиной, набитой прелой травой. Под ногтём ей осталась обыкновенная глина, а малая серебряная рыбка прошла правее её руки и вернулась к стене. Она не могла уйти в воздух, понимала Нея, пока с этой стороны нет настоящей, открытой воды, куда рыбке в самом деле можно выплыть.

— И откуда они? — спросила она вслух.

— Ветка, — проворчала Хвенька. — У нашего дома покамест нет своей тени, в долгу ходит. Старое место, где мы с тобой сидим, в прошлый раз туда не вернули. Вот оно и отзывается. Видела ты рыбу побольше?

— Под лодкой малёк был, наверное, один из её.

— Один из её — это в брюхе. А те, что идут, это она вся и есть. У неё нет своей чешуи. Когда они сойдут стрелкой в одну сторону, будет Белоспинка. Я её раз видела с пригорка, да и то не вылезла из телеги. Стоило мне посмотреть прямо, рассыпалась, опять мальки идут, а отвернусь — длинная белая спина из воды. Кому я после этого расскажу, какая она собою? С разных глаз по-разному, а с твоего и вовсе, может, никакой рыбы не видно.

Нея поднялась, выглянула сквозь окно. Далеко напротив нижнего мостка встряхивали сапоги и договаривались сыпать соль тому, кто первый расскажет вдогонку, что утром заполошно кричала собака Шкурка. На месте прошлогоднего пожарища, откуда еле вынесли детей, стоял новый дом под рыжей крышей. С весны его строили, пока рукам хватало силы держать топор. А сейчас под ногами у Неи река за одно утро поднялась со дна подклета до самого окна.

На подоконнике появилось веснушчатое лицо. За ним ещё одно, с серыми глазами навыкате. Две сестры, дочери местного кожевника, хозяйствовали в Хвенькиной кладовой, где их мать выделывала мягкие меха. Сёстрам было лет девять и десять, и обе за долгую жизнь знали такие вещи, которые Нея забыла лет четырнадцать назад.

— Бабка, у тебя под полом опять рыба? — спросила тёмная, старшая. Охапка стружек резво поехала вниз по её плечам, набилась ей в уши, в шерстяную пуговицу под подбородком. — Одну такую Прася уже видела, да никто не ценит. У нас теперь есть жмых для них. Можно покормить?

Видно, Хвенька им прежде разрешала. Девочки свесились в окошко, хотели просочиться как ртуть, но додумались всё же обойти с другой стороны. Прибежали с ложкой, наполненной мелкими рыжеватыми крошками. У самой стены вдумчиво и внимательно высыпали в напольную щель пищу, от корма расходился смутный запах старого масла. Поверхность глины дрогнула, и в тёмно-коричневой сырости возникли похожие на зерно два выпуклых глаза. Одна маленькая серебряная пасть раскрылась, втянула в себя несколько крошек. Потом что-то у самого пола хрустнуло.

Хвенька подняла руку. Тут только Нея заметила, какая крепкая эта рука у старой женщины. Тонкие пальцы лежали на перине безвольно, а как она их растопырила — девочки разом отступили от стены.

— Ну-ка девчонки наверх, — сказала Хвенька. — И побыстрее. Дарья, чего сидишь? Уши ещё, слава Богу, не болят. Над нами ларь поехал. И подлестничная балочка, кажется, тоже. Подними мне хорошо пальцы ног на валик, я попробую сама сесть.

Нея бросилась наверх. Деревянный каркас, подпиравший верхнее крыльцо, съехал вправо. Что удерживало его, было совершенно непонятно, казалось, он держался на краю

погребного ларя, обтянутого пахучей кожей. В миске на столе качнулся клюквенный морс. Качнулся помещённый над печкой сухой окорок, ходуном пошла кучка белых от муки тряпок и все крышки под ними. Одна угодила прямо в волосы тёмной сестры, которая вовремя прикрыла руками глаза.

— Фрося, ты к матери, — сказала Нея, наконец вспомнив имя старшей. — Унеси глиняную банку, есть куда её поставить, поставь. Скажи, что с пола поднимается вода. Сперва под шкуры, видишь там?

Младшая выскользнула у Неи из-под руки и побежала за Фросей. Нея схватила тяжёлую шкуру оленёнка, оставленную сушиться мездрой вверх. Коричневая вода протекала под столбами прямо на осиновый пол возле мехов. И всё же больше всего Нее хотелось спросить, почему девочки решили, что рыбе в стенке захочется именно жмыха. Люди начинают дружбу со всяким зверем совершенно одинаково. Найдут, чем бы его подкормить, глянут ему в глаза и спрашивают, не почтит ли он их за это самыми дорогими хозяевами. Им и в голову не приходит вежливо назвать своё имя, А ведь будь Нея старой щукой с хорошей роднёй да собственным именем, ей бы хотелось сперва узнать, кто тут решил с ней водиться.

Из подклета уже помогали выйти Хвеньке. Она обхватила Дарью за шею, та двигалась спокойно и несильным голосом командовала: «Ну чего ты ворочаешься, ты на меня облокотись. Да что же я тебе, совсем сухой покойник, что ты на меня облокотиться не можешь?» Нее досталось держать ступни. Поклянись кто угодно, что эта старуха тяжелее двух мешочков соли, никто бы в Бережках не поверил. Между тем она весила как она сама, и вес этот был важен, нельзя было перехватить её под иным углом, не переставив сначала на другую сторону ноги.

Снаружи на оклик отозвались люди в разной степени готовности. Кожевник принёс топор и, ничего не заметив, разрубил топором ремень у собственного ящика с шилом. За ним из низинки выбежал босой мальчик со светлой женщиной. Женщина первой нашла обыкновенный стул за печкой, поставила под Хвеньку. Заднюю стенку стула держала тесьма, на неё, когда Хвенька села, и пришёлся её тяжёлый затылок. Прасковья принесла почему-то поверх своих корзин два кипящих котелка. У неё по дороге всегда имелась возможность прибавить людям трудной работы простым укропным супом.

В погребе хлюпнуло. Одна из опор просела. Край крыльца прямо на глазах у Неи поехал вниз. По его крыше стекала со вчерашней сырости небольшая капля; теперь она упала на деревянное блюдце у порожка. В стороне окна качнулись на два пальца. Кожевник громко позвал свою лошадку, хотя лошадка, насколько всем было известно, не отличалась собачьим благоразумием и не умела приходить на зов. Старая красная кобылка, выбелившаяся на лбу до чистого серебра, стояла у дворовой стены и грызла полусгнившую оглоблю. Если обломится большой столбик, его снесёт как раз в её сторону. Хвенька, сама не в силах встать на ноги, пригнула ладонь, будто пыталась удержать пришедший в движение дом.

Нея подошла к лошадке с мокрой оленьей шкурой на плече. Лошадка понюхала олений мех, сочла его вполне съедобным. Двинулась, пожёвывая, и до самого забора никак не хотела отпускать кусок, от которого кожевник завтра мог заработать на три пары зимних сапог. Ну ничего, некуда теперь было думать о лишних сапогах, пусть у него останется живой конь. Обернулась Нея только у забора. Столб поднялся одним краем, толкнул настил и встал глубоко в землю. Хвенькин дом осел вправо. Щель, из которой высыпалось жито, открыла девочкам, куда уходили рыбки и откуда возвращались. Далеко под старой кладкой лежало такое же тёмное спокойное поле, как всё небо над ними. По нему шли вперёд, не шевеля плавниками, тонкие и целеустремлённые серебряные существа.

— Поставим тебе постель на моей клети, — сказала Дарья. — Там простор есть и лежанка тёплая. Мужика нет, козлов нет. У меня у одной из наших сестриц даже собаки никогда не было. Помнишь, как в девках на крыльце у меня ночевала и сердилась всю ночь, что жукам

свистеть никто не запрещает? Вставай. Мужики, руки у вас на что? Коли можно старуху унести, не уронив, и за плечи подержать, так было бы вдвое легче.

Хвенька подхватила Нею за рукав, погладила грязным пальцем её собственную, покрытую рыбьей чешуёй ладонь.

— Филат раз сказал между вашими кострами: «Вожу тех, кто ещё не вырос платить». Собрал ребят и сунул в лодку. А потом, когда рассказывали, что дело своё до конца довёл, решили, будто он ещё и согласился реке сам собою уплатить. Всё-таки как хочется человеку, чтобы он заранее знал, что сделает. А он им говорил только одно: детей повезёт бесплатно.

— Где это было?

— Под печью, под старой горшечной. Перед большим ходом, прямо перед тем, как закрыли протоку. Так всякие вещи, девочка, и путают. До самой печи пойдёшь — посмотри, нет ли там ещё моих подпалённых калош, хорошая была пара.

Её унесли. Наверху ещё переговаривались, кто-то засмеялся. И будто в ответ в камешке у Неи на ладони тонко зазвенел песок. Девушка постояла на досках и поняла, что её лодка осталась по ту сторону крыльца и никакого удобного пути к ней ещё целый день не будет. Слишком многие теперь нуждались в этом непривычном новом береге первыми.

Глава 5. Земля цвета горшка

Под вечер на Луковом лугу повсюду пекли хлеб. Поленницы стояли на сырой земле, мужчины, не ожидая, пока подмокнут нижние дрова, складывали их через улицу у домов с крепкими фундаментами, и хозяйки старались в благодарность накормить соседей. Развели огонь даже в маленькой печке у загона, где прежде подрезали у овец копыта. Хлеб получился круглый и большой, на лопате в дверцу не влезал, пришлось печь на черепках по половинке. Когда Нея добралась до Дарьиной клети, Хвенька спала на чужой лежанке обняв такой вот золотой полумесяц.

Дарьи не было, она пошла на Большой берег присмотреться к питьевой воде. Семён и Осипа, вымазанные доброй тяжёлой глиной, сидели на корточках у кошмы, на которой спал Ярка. Чуть покачиваясь вперёд и назад, они тихонько пели какую-то песенку про морских валенщиков. Ярка улыбался во сне, высунув кончик языка. Две лёгкие плоскодонки Осипиного отца всем миром перетащили на сухой двор. В одной под навесом отдыхали девочки кожевника, во второй лежали спасённые шкуры. Целое счастье с этим кожевником — он мало чего на самом деле боялся. Николай каждый раз говорил: «Обождите с час, я сейчас пойму», — и через час выходил со своим решением и никогда больше от него не отступал.

— Хочу сходить к печи, — сказала Нея. — Хвенька говорит, твой отец ходил оттуда с ребятами перед своим последним выходом на воду.

— Ну и иди, — отозвался Семён. — А ты, Ося, идёшь или у тебя тут ладонь моя стала частью тела?

Она вытащила застрявшую у него в кулаке руку. Нея знала, откуда у подруги это обыкновение. После того как потерялся Филат, маленькая Осипа раз присела рядом с матерью, сжала ей пальцы, и мать в первый раз за семь дней заплакала.

— Мне больше твоего хочется домой, — сказала Осипа мужу. — А между тем сегодня утром ты обещал вечером вымыть нашего отпрыска и вон что приключилось.

— Я его ещё вымою. Не волнуйся, этим детям, пока руки в воде, рот мыть необязательно. Он их сам в рот засунет. Сходи с Неей.

Куртки натянули на пороге, на ходу, подбирая полы, чтобы не вымазать в глине. Во дворе пахло сырой обмазкой и дёрном. С реки, чуть повыше, доносился нежный запах сушёных яблок. Зимние запасы выносили наверх из клетей, где они копились восемь, десять, пятнадцать лет. У одной бабушки хранился под веником запаянный воском глиняный кувшин с густым ягодным уксусом на свадьбу последней внучки. Внучка уже дважды замуж сходила и оба раза возвращалась точно в полночь с тем же беззаботным круглым лицом. Бабушка не знала, как распорядиться уксусом. Хорошая была штука, заранее приготовленная к большому, удачному и надолго задуманному веселью. Даже если соберутся они все в её дому на весенний праздник с лучшими песнями, будет жалко.

— Вот ты нам давеча сказала, луг, мол, старый, как сам этот город, — сказала Нея, дождавшись подходящего широкого поворота. — С какого года тут ваши стояли? Я на бабушкиной черте у перевозчиков видела, что всего четыре дома было. Теперь пятнадцать, если с бородатыми сетевиками и обоими твоими двоюродными.

— Иди погляди.

Осипа остановилась. Нее, спешившей впереди, пришлось вернуться. Здесь улица Бережки кончалась двумя долгими угловыми осинами. На нижней, припорошённой пылью коре светлел узкий длинный шрам. Из него торчала деревянная пробка с вырезанным наконечником. Осипа ногтем расшатала пробку и вытянула её из дерева. Под пробкой показался свёрнутый в очень тугую трубочку лист бересты. Нее приходилось несколько раз видеть берестяные знаки на жердях, где каждое лето поднимали промысловые сушильни для сетей. Те

метки резал лесной межевщик, чтобы зимой чужие рыбаки не выставляли снасти на их месте. Вынутая Осипой трубочка была маленькая и ломкая, без земельной метки.

— Ты когда-нибудь вставляла зуб обратно в рот? — спросила Осипа. — Не человеческий. Корове, к примеру, зуб вставить? Семён для этого раз уткнулся всей мордой корове в нос, словно жениться собрался. Ну а что? Думай как тогда. Эта бумага со старости тоже как найдёт ещё собственное место? То ли мы виноваты, что дерево вымахало?

Она развернула бересту в ладони. На обороте были нацарапаны две бороздки крест-накрест, целая семейка человеческих колючих фигурок, лодка на три уключины и довольно смешная, будто присевшая по нужде, белка. Белку вырезали у самого носа лодки, под ней блестел чёрным большой обожжённый овал, явно бывший глазом хорошей рыбачьей снасти.

— Это не у всех семей. Когда нас поселили здесь после большой воды, отец уже был покойный. Кому досталась наша память? Матери. Она хорошо знала, из какой мы родни, в каком из здешних сараев нас держали, пока собирались вокруг люди и дрова на зимнюю стройку. Когда у человека не остаётся дома, у него всё равно есть соседи. Первые стояли на большом берегу за ручьём, и у них ещё было место на стойле. Моего отца на том пороге уже не было. Решали мы с матерью сами, когда Грудень собрал людей распределять места под дома. Нас оказалось много, а сухой земли столько, что никто до нового снега не поверил бы. Изгиб речного рукава совсем сошёл. Мать пролежала здесь тем летом две недели больная. Чуть подняла голову, сходила к осинам и сказала: «Чтобы было легче, а то с памятью у меня что-то неладно». Соедини каждую рыбку с её лодкой, каждого зверя с его людьми. Знаешь теперь, кто эту белку над нашим домом рисовал?

— Ты.

— Первый год две лодки здесь оставались на сухом, и обе отдали под крыши с детьми. Одна семья после ушла дальше, вторая — вот она перед тобой, молодая и полногубая. А я тогда впервые зимой не позеленела от голода. Даже на орехи у нас хватило. Если ты поймёшь, что надо снова идти на чужой скотный двор с моим сыном, дай мне это сказать самой Семёну. Его в ту пору на свете хорошо кормили, «голод» для него — что хлеб у соседа гораздо чернее.

Нея увидела в свёртке опрокинутую лодку, а над перевернувшейся лодкой человечка, который сидел вверх ногами и отчего-то смотрел прямо на неё. В том возрасте каждая вещь рисуется так, как тебе на самом деле требуется; вверх ногами она или вниз, до этого детям нет особого дела. Запах сырой листвы поднялся с берега. Осипа убрала бересту и вложила на место пробку, слегка повернув её на палец, чтобы подходила к старой щели та же самая трещина.

По тропе над лугом они шли сначала невысоко, над самыми крышами, так близко, что, протянув руку, могли бы принять у соседей узлы, которые те поднимали на крыши. Потом тропа пошла выше, и последние дома скрылись за излучиной. Камни на тропе попадались белые, громкие, вылизанные старой рекой до ямок с голубоватым дном. Частый низенький лес рос к склону уступами, выше стояли редкие сосны с тёмными лапами, припорошёнными жёлтой листвой. Осипа помалкивала. На третьем косогоре она неожиданно спустилась под тропу и подняла с земли тёмное корытце с тремя бортами, похожее на расколотый пополам собачий череп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.